

5.7.9. ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ
(ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ) / 5.7.9. PHILOSOPHY OF RELIGION
AND RELIGIOUS STUDIES (PHILOSOPHY OF SCIENCE)

Серия «Политология. Религиоведение»

2023. Т. 44. С. 111–119

Онлайн-доступ к журналу:

<http://izvestiapolit.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ

Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 304.4

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.111>

О политической теологии В. Шарова

А. Е. Смирнов*

*Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Иркутск, Российская Федерация*

Аннотация. На основе работ писателя и историка В. Шарова реконструируется вариант политической теологии. Созданная теоретическая рамка открывает перспективу оригинального истолкования событий русской истории. В качестве вывода констатируется, что использование теоретических ресурсов политической теологии позволяет в культурно-исторической традиции выявить то, что ускользает от традиционного исторического, социологического, культурологического анализа.

Ключевые слова: политическая теология, «Москва – третий Рим», В. Шаров, Н. Федоров.

Для цитирования: Смирнов А. Е. О политической теологии В. Шарова // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44. С. 111–119. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.111>

Original article

On the Political Theology of V. Sharov

A. E. Smirnov*

*Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Irkutsk, Russian Federation*

Abstract. Based on the works of the writer and historian V. Sharov (1952–2018), a version of political theology is reconstructed. The theoretical framework created opens up the prospect of an original interpretation of the events of Russian history. As a conclusion, it is stated that the use of theoretical resources of political theology allows in the cultural and historical tradition to identify what eludes from traditional historical, sociological, cultural analysis.

Keywords: political theology, “Moscow – the third Rome”, V. Sharov, N. Fedorov.

For citation: Smirnov A.E. On the Political Theology of V. Sharov. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2023, vol. 44, pp. 111-119. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2023.44.111> (in Russian)

Владимир Шаров (1952–2018) – русский писатель и профессиональный историк. Как писатель и историк В. Шаров вобрал в себя ряд интеллектуальных и культурных традиций, без которых невозможно осмыслить историю России XX–XXI вв. Как сказано в предисловии к сборнику статей «Владимир Шаров: По ту сторону истории», он «был тем писателем, каждая книга которого меняла представление о том, что такое русская история и какая литература может ее освоить» [2, с. 5]. Сочетая «радикальный художественный эксперимент с философским традиционализмом», В. Шаров пришел к оригинальному видению ряда событий русской истории XVII–XXI вв. Не приемля по отношению к своему творчеству выражения «историческая проза» или «альтернативная история», писатель предпочитал идентифицировать свои произведения как «романы-притчи», которые позволяют «понять, что в стране было и есть, что не на поверхности» [Там же, с. 287].

В наиболее формализованном виде взгляды В. Шарова на русскую политическую историю представлены в книге «Искушение революцией (русская верховная власть)» [9] и отчасти в сборнике эссе «Перекрестное опыление» [10]. Говоря конкретно о той перспективе, в которой В. Шаров видит события отечественной истории, мы бы определили ее как вариант отечественной политической теологии. А именно – как осмысление русской политической истории с позиций определенных метафизических и/или религиозных оснований. В качестве такого основания Шаров берет историсофскую и политическую концепцию Филофея, монаха псковского Спасо-Елеазаровского монастыря. Цель работы заключается в попытке проанализировать политические коннотации концепции «Москва – третий Рим», продолжающие оказывать неясное влияние на актуальную политическую и теоретическую повестку в России.

Прежде всего следует оговорить, что мы будем понимать под политической теологией. В наиболее общем смысле политическая теология исследует основания политического в религии, рассматривает религию (или, шире, сакральное) как источник политического порядка, предполагая прямую или косвенную связь между политическим и религиозным [1, с. 8]. В соответствии с точным замечанием А. Шишкова, «предметное поле политической теологии зависит от понятия ”политическое”» [11]. Введение и использование понятия «политическое» такими исследователями, как Х. Арндт, Ж.-Л. Нанси, Ф. Лаку-Лабарт, Ж. Рансьер, Ш. Муфф, говорит о том, что привычного понятия «политика» становится недостаточно. «Новый термин ”политическое” вводится для того, чтобы указать на ”онтологическое” измерение политики, измерение возникновения политики, тогда как традиционный термин ”политика” сохраняется для ”онтической” практики привычной нам политики» [4, с. 257–258].

В нашем случае под политическим в наиболее общем смысле будем понимать условия возможности политики, ее невидимое, подвижное, становящееся основание [7]. Как скажет Я. Ассман, политическая теология практикуется теми, кто занимает определенную позицию в отношениях политического сообщества и религиозного порядка (как бы широко ни понимался последний, добавим от себя. – А. С.), и «описывается теми, кто интересуется историей проблемы, занятыми позициями и найденными решениями» [1, с. 52–53]. Та-

ким образом, повторим, мы попытаемся представить взгляды В. Шарова в качестве варианта политической теологии. Как полагает В. Шаров, политический и социальный смысл основных вех русской истории – таких как реформы Петра I, церковный раскол, революция 1917 г. и Гражданская война, наконец, образование РСФСР и СССР – не до конца понят. Формально мы довольствуемся привычными интерпретациями, например в марксистско-ленинском варианте. В этом, безусловно, есть смысл, о чем так хорошо писал в работе «О пользе и вреде истории для жизни» Ф. Ницше [5]. Например, люди могут нуждаться в понятных объяснениях произошедшего, или нам необходимо верить тому, что происходящее не могло быть другим. Поэтому без редукции истории не обойтись. Но иногда случается так, что даже по истечении непродолжительного времени исторические подтасовки уходят в небытие и возникает потребность в переосмыслении произошедшего.

С точки зрения Шарова, существуют некоторые обстоятельства, проводимые по ведомству «религиозного порядка» (Я. Ассман) и отчасти, добавим, понимающей социологии, без которых нельзя понять политическую логику русской истории. Центральный тезис В. Шарова краток: русский путь – путь революций. Обоснование этого тезиса у Шарова сводится к двум концепциям: это знаменитая доктрина монаха Спасо-Елеазаровского монастыря Филофея «Москва – третий Рим» и «Сказание о князьях владимирских». С точки зрения исследователя, смысл и последствия этих нарративов ошеломительны: «Значение появившихся в те годы доктрин – одна из них известна под названием ”Москва – третий Рим”... вторая – как ”Сказание о князьях Владимирских” ... для русского общества мало уступает перевороту, сделанному Коперником для общества западного. Только вектор его противоположный. Коперник уменьшил и землю, и весь человеческий род, убрав его из центра мироздания; монастырские же книжники, наоборот, поставили русскую историю в центр мира. Это был взгляд, с одной стороны, совершенно очевидно обращенный к концу, а с другой – неслышанно, к самому престолу Господню возносивший русскую землю – новую Святую землю, и русский народ – единственный независимый народ, сохранивший истинную веру, новый народ Божий, а также русских царей – Его заместителей на земле. Введение в чин венчания на царство обряда помазания... и вовсе уподобило русских царей Христу» [9, с. 16–17].

Необходимо объяснить, почему же некая историософская интерпретация приобрела столь серьезный резонанс. Прежде всего дело в геополитическом одиночестве. Россия в сложившейся на тот момент исторической ситуации одна; монгольское иго отрезало ее от остального мира. Россия ощущает себя, по выражению Шарова, как монах в скиту. И вот на этом фоне приходит весть о том, что пришли последние времена, что земная жизнь заканчивается, что какие-либо контакты и тем более компромиссы с внешним миром бессмысленны и что «третий Рим» – истинная, угодная Богу и последняя форма земного существования. «...Цельность и жесткость учения Филофея именно от заброшенности и одиночества, от ненужности никаких компромиссов с окружающим миром. От убеждения, что другого мира... правильного, угодного Богу, нет и не может быть» [Там же, с. 18].

Из концепции Филофея извлекается важное политическое следствие. В национальном сознании формируется убеждение, что все проблемы можно решить разом, прямо сейчас, революционным путем. Если настали последние времена и если с нами Бог, то зачем ждать? Власть по достоинству оценила возможность безотлагательного решения проблем. Оказалось, что одним ударом можно решить все, что кажется неразрешимым. «Филофей и Савва вольно или невольно соблазнили, искусили верховную власть революцией. Именно после них в России революция «сверху» навсегда вошла в арсенал верховной власти, ими были оправданы, получили высшую санкцию новые и новые перевороты. Революцией была попытка Грозного с помощью опричины кардинально изменить самый характер связи между собой и служилым сословием. Через полтора века после Грозного на полный слом государственного устройства пошел Петр; еще через два века – Сталин... Все они отлично сознавали родственность с предшественниками и свою революционность трактовали как традиционную и законную» [9, с. 19].

Интересно, однако, следующее: В. Шаров обращает внимание на то, что доктрина Филофея сложным образом повлияла на действительность. Выражаясь точнее, она по-разному сказалась на характере «верховной власти» (термин В. Шарова) и на «низовых» представителях общества. Филофей адресовал свое послание царю, это было послание именно для власти. Учение возвеличивало царскую власть, ибо царь становится единственным светским владыкой, ответственным за сохранение царства правды и веры. Более того, фигура царя здесь сакрализуется. Заметим, что в византийской традиции царь считался главой церкви, но в качестве светской, государственной власти. В отечественной ситуации образ «святого царя» приобретает несвойственные Византии черты. Сакрализация в народном сознании царя явилась жестом освящения русской истории, попыткой придать ей высший духовный смысл [3, с. 131]. Основные политические предпосылки сакрализации царя, как показывает специальное исследование [8, с. 205–337], таковы. Во-первых, на московского царя возлагаются функции византийского базилевса (что и прямо подразумевала доктрина Филофея). Во-вторых, царь должен, по крайней мере формально, сделаться главой церкви, что фактически и произошло позже, с приходом Петра I.

Что же касается собственно религиозного смысла доктрины «Третий Рим», то речь у Филофея шла отнюдь не об имперской экспансии, но о покаянии: четвертого Рима не будет – значит, близки последние времена. А если так, больше ничего не имеет смысла, в том числе – по большому счету – и государство. То, что грядет, не от мира сего. Отныне все происходящее будет измеряться именно этим эсхатологическим масштабом. И да, это была революция. Причем, как замечает В. Шаров, одновременно в двух враждебных друг другу интерпретациях доктрины Филофея. Первая, «верховная», интерпретация такова: если Москва отныне третий Рим, а четвертому не бывать, то московские князья, отвечающие за Царство (а позже цари и императоры), ради спасения человеческого рода, погрязшего в грехах, должны сделать весь мир Святой землей. Политическое следствие этой версии понятно: православная

вера должна распространиться наконец по всей земле. Для достижения этой цели империя должна неограниченно расширяться. Любыми средствами. Тогда Христос придет наконец на Землю.

Противники этой версии усмотрели другое. Вторая, «низовая», интерпретация, как и первая, также предполагала уничтожение царства зла. Зло должно быть уничтожено немедленно и всем миром. Но политическое следствие этой интерпретации было совершенно иное: Господь уже сделал для этой земли все возможное. Дальше – дело за каждым человеком: царство добра и справедливости нужно построить немедленно, своими руками, здесь и сейчас. То есть победа добра и второе пришествие зависят лично от всех и каждого. Нужно только взяться прямо сейчас, всем миром. Царство Божие должно быть построено на земле. Каждая из этих трактовок породила множество следствий, важнейшее из них – отношение к монарху. Специфика ситуации (последние времена!) такова, что политическая власть должна мыслиться как земное воплощение Бога. Эта власть абсолютная, безграничная и декларативно санкционируемая в качестве высшей силы. Ее главная задача, как уже было отмечено, расширение территории страны во имя святой сотериологической цели – спасения мира. И – о чудо! Одна за одной одерживаются победы русского оружия. Каждая военная победа подтверждает легитимность власти, оправдывает и реализует смысл ее существования. Власть в таком случае до тех пор является подлинной, богоданной властью, пока расширяется, прирастает территория, долженствующая стать святой землей. Власть побеждает, народ верит власти и идет за ней. Приращение православного царства – необходимое условие возможности прихода Христа.

Территория должна прирастать – остальное не имеет значения. Обеспечение приращения территории – таков смысл верховной власти. В этой ситуации вопросы наследования, династии, крови и даже веры становятся второстепенными. «...Для русских князей ни прежние заслуги, ни вера, ни кровь не играли никакой роли. Верховная власть при Василии Темном, сколько бы ни возмущалась старая московская знать, отдавала явное предпочтение татарам. От Петра I и до Александра III, всячески поддерживающего свою "русскость", т. е. почти два века ее фаворитом были прибалтийские дворяне – немцы; советская империя поначалу с той же страстью обратилась к российским и зарубежным евреям» [9, с. 21].

На рубеже XIX и XX вв. эта тенденция исчерпала себя. Приращение территории империи остановилось; ее экстенсивный рост естественным образом закончился. Но в качестве духовной силы исчерпало себя и православие. В соответствии с Шаровым, первым, кто совершенно явно понял, что основания русской экспансии более не работают, был мало кому известный на тот момент мыслитель Н. Ф. Федоров (1829–1903). Федоров начинает работать над созданием своей концепции после Крымской войны. Удивительным образом в его философии соединяются обе противоборствующие версии доктрины Филофея – имперская и народная, «низовая». Ту и другую версии объединит федоровское «Общее дело».

Философия Федорова естественно и без малейшего ущерба для себя удерживает имперскую и «низовую» интерпретации филофеевской доктрины. Для верховной власти философия Федорова указала способ вернуть себе божественную санкцию, обрести вновь неразрывную связь с Господом. Тогда в кратчайшее время будут сокрушены все враги и ненавистники, включая коварнейшего – Англию. Федоров, следовательно, знал, каким образом можно сделать так, чтобы вся земля стала подвластной русскому православному царю и затем обрела бы статус подлинно *святой* земли. Такой, какой она и была до грехопадения. Указав цель, Федоров указал и средства. Все просто: нужно всех сделать равными, невзирая на происхождение, должности, чины и звания. Одинаково одеть и обуть. Отдать всем одинаковые приказы и добиться их точного выполнения.

Шаров отмечает, что одно из подобного рода средств Россия уже имела – это военные поселения. Так будет решена проблема верховной власти. Не меньше он пообещал и крестьянам – потенциальному бесчисленному войску обновленной империи. Земля должна принадлежать всем. Она будет переустроена. Горы будут скрыты. Овраги, впадины и болота будут засыпаны. Города, с их греховной и заразной инфраструктурой – фабриками, заводами, кабаками, театрами и т. д., также будут сровнены с землей. Земля станет удобным для пахоты полем. Реки превратятся в оросительные каналы. В мире больше не будет несовершенства, невезения, случайных обстоятельств вроде засухи или наводнения. «Философия общего дела» Федорова наиболее полно и четко выразила, какой крестьянская православная Россия хотела бы видеть саму себя. «С Федоровым кончилось безнадежное... изнуряющее до последней степени ожидание, кончились никогда не сбывающиеся надежды. Он дал один из тех гениальных ответов, в которых удалось совместить Бога и земную человеческую жизнь, и это высвободило море энергии, породило невероятный подъем, которым страна жила и питалась еще почти столетие. Федоров – волшебный ключик, с помощью которого можно понять и ту жизнь, которую Россия уже прожила, и ту судьбу, что предстояла ей дальше» [9, с. 35].

В свете концепции В. Шарова такие события истории России XX в., как Октябрьская революция и Гражданская война, приобретают специфическую теологию. Другими словами, если мы говорим о конкретном историческом событии, рассматриваемом сквозь призму политической теологии, то речь всегда идет об определенной вере или «этосе убеждения» (К. Шмитт), в соответствии с которыми данное событие воплощается его участниками. Возвращаясь к нашей теме, следует сказать, что феномен «мгновенной» Октябрьской революции несколько меркнет по сравнению с продолжительной, отнявшей огромное количество жизней и сил Гражданской войной. Что же помогло победить большевикам в этой войне? Кто пошел воевать на стороне Красной армии и почему?

Известно, что монархия к моменту вышеуказанных событий, с точки зрения народа, утратила легитимность (В. В. Розанов пишет в 1918 г.: «...Вот один, старик лет 60-ти, и “такой серьезный”, Новгородской губернии, выразился: “Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть”. Т. е. не

сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезать из его кожи ленточка за ленточкой. И что ему царь сделал, этому “серьезному мужичку”?» [6, с. 7]). Это неудивительно. Россия пережила череду военных поражений, начиная с Японии. Затем потеря огромного куска земли на Западе – почти вся Польша. Эти события свидетельствуют в народном сознании о том, что власть не благословенна и не легитимна, не истинна и не законна. Что же мы видим? Падение «старшего», имперского извода учения. Он ложен и ведет к гибели. Остается «младшее», народное, «низовое», маргинальное, окраинное, сектантское толкование.

При этом следует иметь в виду, что в XVIII–XIX вв., в хорошее для империи время, территория расширялась катастрофически быстро. Быстро настолько, что районы, прежде заселенные изгнанниками, оказались практически в центре страны. «Так было с засечной чертой, пересекающей Рязанскую, Воронежскую, Курскую и Орловскую губернии, с Поволжьем и Уралом, с границей Руси и Польши, давно облюбованной староверами. Эти давешние изгои уже обжили новую родину, а вслед за ней и большие города, научились неплохо таиться, маскироваться, скрывать свою ненависть. Поймать их за руку и выслать еще дальше не удастся, и власть смиряется... Однажды это отзовется» [9, с. 38].

Ситуацию усугубила Первая мировая война. Атмосфера в обществе накалена до предела. Шаров пишет: «Мы никогда не пойдем победы большевиков без разлитой от края до края веры в то, что со старой жизнью должно быть покончено навсегда, настолько она страшна» [Там же, с. 39]. Мы снова сталкиваемся здесь с революционной уверенностью в том, что человек должен разрушить старый мир. Он должен сделать это сам. И начать наконец созидать новый мир. Следовательно, можно и должно уже здесь, на земле, установить равенство и справедливость. А дальше, по Федорову, только вечная жизнь. Будут воскрешены мертвые. Люди будут воспитаны настоящими гениями. Отсюда, замечает Шаров, пристальный интерес к мозгу, создание соответствующих институтов, на которые нищая голодающая страна дает огромные деньги, и (добавим мы) к психоанализу. Все это вытекало из убеждения Филофея, что мы и впрямь живем при конце времен. И такое понимание не просто не устарело, но, похоже, было кратно обновлено и усилено учением Н. Федорова и последующим русским коммунизмом.

Начнем подводить промежуточные итоги. Начиная с XVI в. в стране проживает большее или меньшее количество людей, пребывающих в убеждении, что старая жизнь должна закончиться. Это множественные маргинальные, но при этом религиозно и политически активные группы. Прежде всего раскольники, казачество (до момента, когда оно стало потомственным военным сословием), позднее социалисты и народники. Все они находятся на религиозной, политической, географической и политической периферии, все они убеждены в необходимости изменения существующего религиозного, политического, социального порядка, а в случае Н. Федорова – порядка географического и космического.

Разумеется, в сложившейся ситуации рано или поздно не могла не произойти революция. «Ее необходимость, ее безусловная обязательность была вписана в сам устав русского государственного порядка... Революция 17-го года стала их революцией, революцией окраины всей Святой земли от Сибири, Урала, Поволжья, Черноземного края до Цюриха, Лондона и Парижа» [9, с. 40]. В итоге появляется некая многочисленная коалиция. Ее никто специально не оформляет, не скрепляет договоренностями и соглашениями. Все, что ее объединяет, это ситуация выбора: в какую армию идти – в Белую или Красную. И вот эти люди, кто сразу, а кто поколебавшись, идут в Красную армию. «В нее вошли, во-первых, разного рода социалисты и им сочувствующие, мечтавшие о построении коммунизма – светского варианта царствия Божьего на земле; сектанты, несколько веков как только можно торопившие второе пришествие Христа, готовые в жертву за него отдать свою жизнь; просто все те, включая крестьян, рабочих, кадровых военных из дворян, кто считал, что царь не истинный, коли Святая Русь терпит одно поражение за другим. Самые образованные из них догадывались, что дело здесь не в одном царе – выдохлось, сделалось неспособным к экспансии само православие. Победив в гражданской войне, эта коалиция так же легко, как собралась, распалась» [9, с. 41]. Таким образом, эсхатологический характер гражданской войны и победы красных – налицо. Он – в вере в прекрасный, лишенный зла мир. Но главное – в убеждении, что нужна перманентная борьба. Без непрерывной борьбы не выжить. И это как бы не обсуждалось: представить себе два мирно сосуществующих царства – одно добра, другое зла и греха – не мог никто.

Таким образом, мы констатируем, что исторические события определенного рода могут быть лучше поняты с помощью привлечения теоретических ресурсов политической теологии. Политическая теология, повторим, видится нами в качестве теории, для которой божественное Откровение, сакральное как таковое или метафизический (одновременно в смысле Конта и Аристотеля) принцип являются основанием для политического действия; это теория, предполагающая прямую или косвенную связь между политическими процессами и их теологическими (сакральными, метафизическими) основаниями. С нашей точки зрения, историческая концепция В. Шарова может быть представлена в качестве политической теологии. В качестве ее метафизического основания выступает трансисторическое значение концепции «Москва – третий Рим». Не упуская из внимания проблему научной верификации исторических детерминант, мы полагаем, что использование теоретических ресурсов политической теологии позволяет в культурно-исторической традиции выявить то, что ускользает от традиционного исторического, социологического, культурологического анализа.

Список литературы

1. *Ассман Я.* Политическая теология между Египтом и Израилем. СПб. : Владимир Даль, 2022. 181 с.
2. Владимир Шаров: по ту сторону истории : сб. ст. и материалов / под ред. М. Липовецкого и А. де ля Фортель. М. : Нов. лит. обозрение, 2020. 720 с.
3. *Доброхотов А. Л.* Избранное. М. : Территория будущего, 2008. 472 с.
4. *Керимов Т. Х.* Социальная философия. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. 304 с.
5. *Ницше Ф.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1990. 830 с.

6. Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени. М. : Республика, 2000. 439 с.
7. Смирнов А. Е., Федосов Р. Д. О методологическом значении понятия политического // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 36. С. 9–16.
8. Успенский Б. А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. Т. 1. М. : Языки рус. культуры, 1996. 607 с.
9. Шаров В. Испытание Революцией (Русская верховная власть). Эссе. М. : ArsisBook, 2009. 240 с.
10. Шаров В. Перекрестное опыление. М. : ArsisBook, 2018. 288 с.
11. Шишков А. Политическая теология // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/politicheskaia-teologiya-962537> (дата обращения: 02.05.2023).

References

1. Assmann J. *Politicheskaya teologiya mezhdru Egiptom i Izrailem* [Political theology between Egypt and Israel]. St Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2022, 181 p. (in Russian)
2. Vladimir Sharov: po tu storonu istorii: Sbornik statej i materialov [Vladimir Sharov: on the other side of history: Collection of articles and materials]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2020, 720 p. (in Russian)
3. Dobrohotov A. L. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2008, 472 p. (in Russian)
4. Kerimov T. H. *Socialnaya filosofiya* [Social philosophy]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2018, 304 p. (in Russian)
5. Nietzsche F. *Soch. V 2 t. T. 1* [Op. in 2 vols. Vol. 1.]. Moscow, Mysl Publ., 1990, 830 p.
6. Rozanov V.V. *Sobranie sochinenij. Apokalipsis nashego vremeni* [Collected works. Apocalypse of our time]. Moscow, Republic Publ., 2020, 439 p. (in Russian)
7. Smirnov A.E., Fedosov R.D. *O metodologicheskom znachenii ponyatiya politicheskogo* [On the methodological significance of the concept of political]. News of Irkutsk State University. Political Science series. Religious studies. 2021. vol. 36, pp. 9-16. (in Russian)
8. Uspenskij B.A. *Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kultury. T. 1* [Selected works. Semiotics of history. Semiotics of culture. Vol. 1]. Moscow, School "Languages of Russian Culture" Publ., 1996, 607 p. (in Russian)
9. Sharov V. *Iskushenie Revolyuciej (Russkaya verhovnaya vlast)* [Temptation by the Revolution (Russian Supreme Power)] Moscow, ArsisBook Publ., 2009, 288 p. (in Russian)
10. Sharov V. *Perekrestnoe opylenie* [Cross-pollination]. Moscow, ArsisBook Publ., 2018, 240 p. (in Russian)
11. Shishkov A. *Politicheskaya teologiya* [Political theology]. *Bolshaja Rossijskaja enciklopedija* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru/c/politicheskaia-teologiya-962537> (date of access: 02.05.2023). (in Russian)

Сведения об авторе

Смирнов Алексей Евгеньевич
 доктор философских наук, профессор,
 кафедра общегуманитарных и социально-
 экономических дисциплин
 Иркутский юридический институт (филиал)
 Университета прокуратуры Российской
 Федерации
 Российская Федерация, 664035, г. Иркутск,
 ул. Шевцова, 1
 e-mail: aesmir@mail.ru
 ORCID 0000-0003-2426-6164

Information about the author

Smirnov Alexey Evgenievich
 Doctor of Sciences (Philosophy), Professor
 Department of General Humanitarian and
 Socio-Economic Disciplines
 Irkutsk Law Institute (Branch) of the
 University Prosecutor's Office Russian
 Federation
 1, Shevtsov st., Irkutsk, 664035, Russian
 Federation
 e-mail: aesmir@mail.ru
 ORCID 0000-0003-2426-6164